

А.Н. Попов

Французы в Москве в 1812 году

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.Н. Попов**
Французы в Москве в 1812 году / А.Н. Попов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 187 с.

ISBN 978-5-458-13356-2

Французы в Москве в 1812 году. Сочинение Александра Попова, автора ряда работ по истории внешней политики России и Отечественной войне 1812 года.

ISBN 978-5-458-13356-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

зываетъ большую нерѣшительность и былъ ниже своей славы⁴. Такъ говоритъ Шамбре ⁷⁾

Конечно не простуда, которою слегка страдалъ въ это время Наполеонъ, была причиною того, что на поляхъ Бородина онъ казался своимъ боевымъ товарищамъ и поклонникамъ его генія совершенно инымъ человѣкомъ, нежели при Аустерлицѣ, Іенѣ и Фридландѣ ⁸⁾. Его способности, какъ военачальника, не утратили своей силы; но положеніе дѣла было совершенно иное въ сравненіи съ прежнимъ. Это былъ уже не военачальникъ, способный жертвовать всѣмъ своему призванію; но императоръ, женатый на принцессѣ старѣйшаго изъ царственныхъ домовъ въ Европѣ, основатель династіи, которую онъ желалъ упрочить на престолѣ Франціи, государь, сравнивавшій себя съ Карломъ Великимъ. Могъ-ли онъ, гонимый только за славою полководца, подвергать свою жизнь опасности? Напротивъ, онъ берегъ себя и въ пресловутомъ бюллетенѣ о Бородинскомъ сраженіи счелъ нужнымъ прямо заявить Европѣ, что „императоръ ни разу не подвергалъ себя опасности“: *l'empereur n'a jamais été exposé* ⁹⁾. Съ гордой самоувѣренностью онъ предполагалъ, что вся Европа обязана его глазами смотрѣть на дѣла и заботиться о безопасности его, какъ онъ самъ заботился о ней. Но сметливый и дальновидный его умъ понималъ конечно, что какъ его отсутствіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Испаніи и Португаліи, такъ и удаленное положеніе на поляхъ битвъ, которыми онъ самъ руководилъ, должно быть чѣмъ нибудь восполнено. Отдавая справедливость дарованіямъ и опытности своихъ маршаловъ, онъ не думалъ однакоже, чтобы они могли замѣстить его. Изъ Парижа онъ самъ руководилъ военными дѣйствіями въ Испаніи и, предпринявъ походъ въ Россію, самъ повелъ свои войска. Но онъ думалъ замѣнять себя въ этихъ случаяхъ огромнымъ числомъ войскъ и количествомъ артиллеріи, подавляющею матеріальною силою. Въ этихъ видахъ рассчитаны были всѣ военныя дѣйствія Наполеона съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ въ бракъ съ Австрійскою эрцъ-герцогиней. Съ 1807 года до приготовленій къ войнѣ съ Россіею, въ границы Испаніи было введено болѣе 618 тысячъ Французскихъ войскъ ¹⁰⁾; черезъ Нѣманъ Наполеонъ перевелъ въ Россію болѣе 400 тысячъ, за которыми находился резервъ, простиравшійся до 200 тысячъ. Но дѣйствіе огромными силами несовмѣстимо съ быстротою движеній, составлявшей отличительное свойство тактики Наполеона: такихъ огромныхъ массъ не въ состояніи продовольствовать никакая, хотя бы и богатая, страна своими мѣстными средствами (чѣмъ постоянно пользовался Наполеонъ въ прежнихъ войнахъ). За огромнымъ полчищемъ должны слѣдовать такіе-же ог-

⁷⁾ Histoire de l'expédition de Russie, т. II, стр. 77.

⁸⁾ C-te Segur, Histoire et mémoires, Paris, 1873, т. VI, гл. 2, стр. 9—18.

⁹⁾ 18-me bulletin de la grande armée. Mojaïsk, 12 Septembre 1812.

¹⁰⁾ Письмо Чернышева къ гр. Румянцову 1811 г. 9 (21) Февраля изъ Парижа.

ромные обозы съ продовольствіемъ. При этомъ условіи или войска должны двигаться медленно, соображаясь съ движеніемъ обозовъ, или обозы должны отставать отъ войскъ, и войска послѣ немногихъ переходовъ нуждаться въ продовольствіи. Такъ и случилось съ великою арміею, которая вторгнулась въ Россію. Уже въ Витебскѣ она умалилась на цѣлую треть, и подѣ Бородино Наполеонъ привелъ съ небольшимъ 130 тысячъ.

Но если бы огромныя количества и могли обезпечить успѣхъ, то ничто не могло замѣнить той быстроты и вѣрности боевого взгляда, которыми отличался Наполеонъ, какъ полководецъ. Ни одно неловкое или ошибочное движеніе непріятеля не ускользало отъ его вниманія; каждымъ такимъ движеніемъ, не давая противнику времени исправить ошибку, онъ умѣлъ быстро пользоваться. Обладая такими качествами, часто онъ превращалъ сраженія, грозившія ему совершеннымъ пораженіемъ, въ полную побѣду. Но для этого нужно находиться у самаго поля сраженія, а не руководить имъ издали, и въ этомъ случаѣ, можетъ быть, упреки его боевыхъ сотрудниковъ были справедливы: слѣдуя правилу дѣйствовать бѣльшими силами въ сравненіи съ непріятелемъ, онъ долженъ былъ пустить въ дѣло резервы.

Но всѣ эти упреки вытекаютъ изъ общей Французамъ увѣренности, что въ Бородинскомъ сраженіи побѣда осталась на ихъ сторонѣ. Не говоримъ уже о хвастливости, имъ свойственной, о твердой вѣрѣ въ непобѣдимость императора; но частныя успѣхи въ разные моменты сраженія и общая отчаянная храбрость, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ, могли возродить и поддержать въ нихъ это обольщеніе. Но такъ ли смотрѣлъ на дѣло самъ императоръ Наполеонъ? Онъ тоже заявлялъ, что Бородинскій день кончился для него побѣдою. Такъ говорилъ онъ во всеуслышаніе Франціи и всей Европы; этотъ взглядъ поддерживалъ онъ и въ своихъ войскахъ. Но могъ ли онъ говорить иначе, не подрывая обаянія своей силы, которое одно держало въ покорности угнетенную имъ Европу? Могъ ли онъ говорить иначе, не лишая бодрости свою армію, истомленную трудными походами, оборванную и голодавшую? Передъ началомъ Бородинскаго сраженія онъ объявилъ войскамъ, что одержанная ими побѣда доставитъ имъ изобиліе, хорошія зимнія квартиры и скорое возвращеніе на родину. Войска дрались отчаянно, но встрѣтили несокрушимую преграду: не было ни плѣнныхъ (кромѣ ничтожнаго количества), ни трофеевъ. Могъ ли этого обстоятельства не оцѣнить Наполеонъ и, еслибы была одержана дѣйствительная побѣда, могъ ли такой полководецъ, какъ онъ, не преслѣдовать разбитаго непріятеля? Когда, по окончаніи битвы, въ 10 часовъ вечера, заносчивый Мюратъ явился къ нему и предложилъ преслѣдовать Русскихъ, будто бы въ безпорядкѣ отступающихъ за Москву-рѣку, Наполеонъ не принялъ этого предложенія ¹¹⁾.

¹¹⁾ C-te Segur, Hist. de la grande armée, т. I, стр. 415.

Но не одни непріятельскія войска, вторгнувшіяся въ предѣлы Россіи, провели ужасную ночь послѣ Бородинской битвы, когда то и дѣло тревожили ихъ нападенія отдѣльныхъ отрядовъ Русскаго арьергарда; не спалось и не легко было на душѣ самому ихъ предводителю, императору Наполеону. „Я провелъ ночь подлѣ него (говорить свидѣтель-очевидецъ); его сонъ былъ тревоженъ или, лучше сказать, онъ вовсе не спалъ. Онъ много разъ восклицалъ, быстро перевертываясь на постелѣ: „что за день, что за день!“ (quelle journée! ¹²⁾). Его ставка у Шевардина была во всю ночь окружена цѣлымъ баталіоннымъ каре старой гвардіи: не смотря на значительное отдаленіе отъ мѣста сраженія, онъ считалъ нужнымъ принимать эти предосторожности. Когда, по утру на другой день, ему донесли объ отступленіи Русскихъ войскъ, онъ и тутъ не рѣшался ихъ преслѣдовать. „Пусть отступаютъ, говорилъ онъ; а мы временно нѣсколько часовъ, чтобы заняться нашими несчастными ранеными“ ¹³⁾.

✓ „Чѣмъ бы ни кончилась битва, разсуждаетъ одинъ изъ участниковъ въ ней, отступленіемъ Русскихъ или Французовъ; но во всякомъ случаѣ Французы были такъ изнурены, напрягаясь овладѣвать укрѣпленіями и за тѣмъ удерживать ихъ, что имъ нельзя было преслѣдовать Русскихъ или воспрепятствовать Кутузову дѣйствовать, какъ онъ хотѣлъ“ ¹⁴⁾. Герцогъ Фегензакъ, назначенный полковымъ командиромъ послѣ Бородинскаго сраженія, прямо свидѣтельствуешь, что онъ не нашелъ прежней веселости въ солдатахъ, не слышалъ пѣсенъ и всякихъ разсказовъ: солдаты погружены были въ глубокое молчаніе. Даже офицеры ходили словно опущенные въ воду и лишь по долгу и чести исполняли служебныя обязанности. „Это уныніе, естественное послѣ пораженія, было странно послѣ побѣды, открывшей намъ ворота Москвы“ ¹⁵⁾. Очевидно, это была такая побѣда, которая равнялась пораженію. Поэтому „Французы должны были нѣсколько дней отдыхать, чтобы опаматоваться, чтобы обозрѣть свои потери, чтобы узнать навѣрное о пути, по которому двинулся ихъ непріятель. Многое, что случилось потомъ, было послѣдствіемъ изнуренія великой арміи, которая, можетъ быть, и была непріятеля, но не обращала его въ бѣгство; можетъ быть, отбила его, но не разстроила“ ¹⁶⁾.

¹²⁾ Saint-Hilaire, Histoire de la campagne de Russie de 1812, т. III, гл. 7, стр. 31.

¹³⁾ B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 44.

¹⁴⁾ Der Krieg der Franzosen gegen Russland 1812 und 1813 von R..., стр. 124.

¹⁵⁾ Souvenirs militaires, стр. 261.

¹⁶⁾ Der Krieg der Franzosen etc. von R. тамъ же. Сравни сочиненіе И. П. Липранди: „Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы“, въ которомъ собрано множество свидѣтельствъ очевидцевъ и большею частію иностранцевъ и послѣдующихъ историковъ войны 1812 г. (Чтенія въ имп. Моск. обществѣ исторіи и древностей 1866 г.).

Французская армія дѣйствовала наступательно, а потому не могла отбить непріятеля; Русскія войска отбили ея нападеніе и разстроили ее. Наполеонъ и не преслѣдовалъ въ порядкѣ отступавшихъ нашихъ войскъ, но шелъ слѣдомъ за ними. Обозрѣвъ поле сраженія и принявъ мѣры къ призрѣнію раненыхъ, онъ около полудня двинулъ свой авангардъ, подъ начальствомъ Мюрата, къ Можайску съ приказаніемъ остановиться въ 6 или 7 верстахъ за этимъ городомъ. Въ то время какъ Мюратъ начиналъ уже приближаться къ нашему аріергарду, въ послѣдній разъ находившемся подъ начальствомъ Платова, въ 4 часа пополудни, начали выступать и остальные Французскія войска. Вмѣстѣ съ ними направился къ Можайску и самъ императоръ Наполеонъ, пославъ напередъ графа Сегюра объявить Мюрату, что онъ намѣренъ ночевать въ этомъ городѣ. Приблизившись къ Неаполитанскому королю, графъ Сегюръ нашелъ его въ сильномъ волненіи и негодованіи на войска. Онъ торопилъ ихъ идти впередъ, не смотря на то, что ему было донесено, что на пути ихъ движенія находится непроходимый для конницы оврагъ; а на высотахъ за Можайскомъ, господствующих надъ городомъ и его окрестностями, выстроились въ грозномъ боевомъ порядкѣ Русскіе. Заносчивый Мюратъ, не довольствуясь сшибками отдѣльныхъ отрядовъ, хотѣлъ ввести въ дѣло всѣ полки своего авангарда, сердился, что они подвигаются медленно и не хотѣлъ слушать, что между нимъ и Русскими, находившимися передъ Можайскомъ, былъ непроходимый для конницы оврагъ. Графъ Сегюръ уговорилъ его не вступать въ сраженіе и возвратился объяснить императору Наполеону положеніе дѣлъ. „Я повстрѣчалъ маршала Мортье, говоритъ онъ, и мы пошли вмѣстѣ съ нимъ. Разговаривая между собою, мы замѣтили, что къ намъ приближается Русское ядро. „Посторонитесь, Сегюръ, сказалъ маршалъ: уступимъ дорогу тому, кто болѣе нашего спѣшитъ“ (aux plus pressés). Когда мы разступились, я замѣтилъ въ сторонѣ человека въ сѣромъ сюртукѣ, который шелъ одинъ. Это былъ императоръ; онъ шелъ по дорогѣ къ Можайску, тихо, съ опущенною головою. Я подошелъ къ нему и замѣтилъ, что онъ находится подъ Русскими выстрѣлами. „Стало быть Русскіе еще держатся въ Можайскѣ?“. День уже клонился къ вечеру; я указалъ ему на огни по крайней мѣрѣ 40 тысячной арміи на высотахъ за Можайскомъ и прибавилъ, что сильный аріергардъ защищаетъ входъ въ городъ. Наполеонъ повернулъ назадъ, сказавъ: „Если такъ, то пойдемъ и подождемъ до завтра“, и провелъ ночь въ первой попавшейся деревушкѣ, Кривушѣ ¹⁷⁾ Очевидно, императоръ Наполеонъ не думалъ преслѣдовать Русскія войска, но шелъ за ними, наблюдая ихъ движеніе и не зная, что можетъ предпринять Русскій главнокомандующій. Что въ такомъ именно настроеніи духа находился императоръ Наполеонъ, можетъ служить доказательствомъ слѣдующее обстоятельство. Во всю бо-

¹⁷⁾ Segur, Hist. et mémoires, т. VI, гл. 1, стр. 11—15. Его же Hist. de Napoleon et de la grande armée, т. I, гл. 13, стр. 243 и слѣд.

евую его жизнь никогда не случалось, чтобы онъ медлилъ извѣстить Францію и Европу объ одержанной побѣдѣ, и всегда бывало, что онъ немедленно диктовалъ бюллетень, извѣщавшій всѣхъ объ его успѣхѣ. Между тѣмъ „18-й бюллетень великой арміи“ помѣченъ: „Можайскъ 12-го Сентября 1812 г.“ (30 Августа)“, т. е. черезъ четыре дня спустя послѣ Бородина, когда Наполеона убѣдился, что Русскія войска безостановочно продолжаютъ отступленіе къ Москвѣ. Это отступленіе, послѣ большого, кровопролитнаго сраженія, давало ему предлогъ выдать передъ Европою Бородино какъ одну изъ блистательныхъ побѣдъ великой арміи. Такъ смотрѣли на дѣло и тѣ изъ его боевыхъ сотрудниковъ, которые, не участвуя въ немъ, не увлекались отдѣльными подвигами лицъ и разныхъ частей войскъ въ разные періоды битвы и общео отчаянною храбростію всѣхъ войскъ, хорошо знавшихъ, что только одержанная побѣда можетъ вывести ихъ изъ того бѣдственнаго положенія, въ какомъ они находились.“ „Это сраженіе, говоритъ маршалъ Сенъ-Сиръ, самое кровопролитное, какое только представляетъ исторія, доставило Наполеону одну выгоду, если только доставило какую нибудь: оно облегчало его прибытіе въ Москву. Русскіе, не смотря на самое упорное сопротивленіе, были побѣждены потому только, что должны были отступить; но они не были разбиты, не было ни малѣйшаго замѣшательства (*déroute*) ни на одной точкѣ ихъ линіи; было поражено тѣло, но не душа ихъ арміи. Ихъ потери были велики, даже огромны, но они почти уравнивались потерями Наполеона, а между тѣмъ на ихъ сторонѣ оставалось великое преимущество: ихъ потери могли быть немедленно вознаграждены тѣми подкрѣпленіями, которыя они получали ежедневно, тогда какъ убыль въ нашихъ войскахъ оставалась невознаграждимою“ ¹⁸⁾.

Попытное движеніе нашихъ войскъ послѣ Бородинскаго сраженія дало поводъ непріятелю присвоить себѣ побѣду. Но коль скоро отступленіе входило въ общія военныя соображенія съ самаго начала кампаніи, то конечно оно не могло служить знакомъ проиграннаго сраженія, тѣмъ болѣе, что непріятель не отваживался преслѣдовать. „Непріятельскія войска, говоритъ одинъ изъ Французовъ, участниковъ въ событіяхъ, продолжали отступленіе съ такимъ же порядкомъ, какъ и правильною. Нашъ авангардъ слѣдовалъ за ними и продолжалъ наблюдать за ихъ движеніемъ по дорогѣ къ Москвѣ“ ¹⁹⁾. На второй день послѣ Бородинской битвы (28 Августа, 9 Сентября), когда Русскія войска оставили Можайскъ, и этотъ городъ былъ занятъ непріателемъ послѣ горячей схватки, нездоровье императора Наполеона усилилось. Вслѣдствіе насморка онъ потерялъ голосъ. Не смотря на то, совладавъ уже съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвели на него дѣйствія Русскихъ войскъ въ

¹⁸⁾ M. Saint-Syr, *Mémoires pour servir à l'histoire militaire etc.* Paris, 1831, т. III. стр. 268—271.

¹⁹⁾ B. Dennié, *Itinéraire de l'empereur Napoleon.* Paris, 1842, стр. 83.

Бородинской битвѣ, и только что расположившись въ приготовленномъ для него домѣ въ Можайскѣ, онъ принялся за свои кабинетные труды, прерванные въ продолженіи пяти дней. Потеря голоса разстроивала его привычки. Обыкновенно онъ диктовалъ свои приказанія, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. Теперь онъ долженъ былъ писать ихъ самъ начерно и, немедленно принявшись за эту работу, онъ задалъ трудную задачу своей канцеляріи разбирать связный и безобразный его почеркъ ²⁰⁾.

Въ бумагахъ этой канцеляріи сохраняется наглядное разъясненіе того, что именно озабочивало въ это время императора Наполеона. Первое написанное имъ предписаніе было начальнику его штаба, графу Невшательскому; онъ поручалъ ему двинуть вице-короля на Рузу, а Даву на Борисовъ въ то время, какъ Мюратъ съ авангардомъ двигался по большей дорогѣ къ Москвѣ. Но эти движенія происходили медленно и нерѣшительно, потому что не преслѣдовать непріятеля предписывалъ Наполеонъ, а сообщать вѣсти о непріятельскихъ передвиженіяхъ и собирать какъ можно болѣе провіанта для голодавшихъ войскъ. Не зная навѣрное, каковы намѣренія Русскаго главнокомандующаго, Наполеонъ заботился, какъ бы пополнить боевые запасы, значительно истощенные въ Бородинской битвѣ, и подкрѣпить войска новыми силами. Съ этою цѣлью, измѣнивъ первоначальное назначеніе корпуса маршала Виктора (поддерживать войска, дѣйствовавшія съ тылу великой арміи противъ Витгенштейна и Тормасова), онъ предписалъ ему слѣдовать въ Смоленскъ. „Непріятель, пораженный въ сердце, не будетъ заботиться объ окраинахъ, писалъ онъ маршалу Виктору изъ Можайска. Онъ употребляетъ всѣ средства, чтобы помѣшать намъ войти въ Москву и обнаруживаетъ намѣреніе также употребить всѣ средства, чтобы выгнать поскорѣе насъ оттуда. Поэтому изъ Смоленска надо слѣдовать къ Москвѣ, чтобы подкрѣпить армію въ той мѣрѣ, какъ непріятель подкрѣпляетъ свою“ ²¹⁾. Постоянное отступленіе нашихъ войскъ ободрило Неаполитанскаго короля, и онъ задумалъ разбить нашъ аріергардъ, поступившій уже (съ 28 Августа) подъ начальство Милорадовича и отбросить его на армію, которой главная квартира находилась на берегу рѣки Нары, въ дер. Крутицахъ. Но Мюратъ былъ отбитъ и послѣ этого „слѣдовалъ съ большою осторожностію за нашимъ аріергардомъ, оставаясь всегда внѣ пушечнаго выстрѣла“ ²²⁾, конечно по распоряженію Наполеона. Убѣдившись однакоже, что Русскія войска отступаютъ и не зная, дадутъ ли они сраженіе, Наполеонъ рѣшился отправить циркуляръ къ Французскимъ епископамъ, съ приказомъ распорядиться о торжественномъ молебствіи по слу-

²⁰⁾ В. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 45, 46.

²¹⁾ В. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 74.

²²⁾ Военный журналъ полковника Толя подъ 29 Авг.; Chambray, Hist. de l'expédition de Russie, т. II, стр. 90; В. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 47.

чаю одержанныхъ имъ побѣдъ, и составилъ бюллетень о Бородинскомъ сраженіи. Бюллетень этотъ помѣченъ тѣмъ числомъ, когда Наполеонъ выѣхалъ изъ Можайска и перенесъ свою главную квартиру въ село Леутинское ²³). Но императора тревожила еще мысль о томъ, что можетъ предпринять Русскій главнокомандующій. Онъ не ожидалъ, чтобы неразбитое имъ войско рѣшилось безъ новаго боя впустить его въ древнюю столицу имперіи и подозрѣвалъ особые замыслы со стороны Кутузова. На другой день, переѣхавъ въ село Таторки, онъ поручилъ маршалу Бертье написать Мюрату, что его тревожитъ неимѣніе свѣдѣній о непріятелѣ. „Если непріятель не находится передъ вами, писалъ онъ, то надо опасаться, не перешелъ ли онъ въ право отъ васъ, на Калужскую дорогу. Въ такомъ случаѣ очень возможно, что онъ бросится на нашъ тылъ. Неизвѣстно, что дѣлаетъ Понятовскій, который долженъ находиться въ двухъ миляхъ, въ право отъ васъ. Прикажите ему двинуть свою конницу на Калужскую дорогу. Императоръ остановилъ здѣсь корпусъ Даву и Нея до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ васъ извѣстій о томъ, гдѣ находится непріятель. Его величество съ нетерпѣніемъ ожидаетъ извѣстій о томъ, что происходитъ на вашемъ правомъ крылѣ, т. е. по дорогѣ изъ Калуги въ Москву“ ²⁴). Это письмо, написанное по порученію Наполеона, начальникомъ его главнаго штаба къ главнокомандующему авангардомъ, за день до вступленія въ Москву, безспорно доказываетъ, что Наполеонъ не преслѣдовалъ отступавшаго непріятеля, но ощупью шелъ за нимъ, наблюдая за его движеніями и недоумѣвая о дальнѣйшихъ его намѣреніяхъ. Онъ постоянно требовалъ извѣстій отъ своихъ передовыхъ отрядовъ и посылалъ къ нимъ своихъ офицеровъ-ординарцевъ. Утромъ 2(14) Сентября онъ отправилъ Гурго въ авангардъ къ Мюрату, поручивъ ему немедленно привезти ему извѣстіе о положеніи дѣлъ. Гурго подѣхалъ къ Неаполитанскому королю въ то время, когда Москва уже находилась почти въ виду Французскаго авангарда.

Когда подѣзжать къ Москвѣ по Смоленской дорогѣ, то подъ самымъ городомъ внезапно открывается видъ на него, во всемъ широкомъ его объемѣ. Рядъ холмовъ на самой дорогѣ, извѣстный подъ именемъ Поклонной горы и оканчивающійся у города такъ называемыми Воробьевыми горами, долго скрываетъ Москву отъ взоровъ. Равно утромъ, 2 Сентября, нашъ аріергардъ находился у фарфоровыхъ заводовъ, въ 10 верстахъ отъ Москвы. Съ 9-ти часовъ Французскій авангардъ завязалъ съ нимъ перестрѣлку и тѣснилъ его къ Москвѣ. Медленно отступая, чтобы дать время и воз-

²³) Предписаніе маршалу Бертье 9 Сент. (28 Авг.), предписаніе маршалу Виктору 11 Сент. (30 Авг.), циркуляръ Французскимъ епископамъ 10 Сент. (29 Авг.), 18-й бюллетень 12 Сент. (31 Авг.) В. Fain, Manuscrit, т. II, стр. 74 и слѣд., Chambray, Hist. de l'expédition en Russie, т. III, прилож., стр. 403 и слѣд.

²⁴) Chambray, Hist. de l'expéd. en Russie, т. III, прилож., 404—405.

можность остальнымъ войскамъ съ обозами и артилеріею пройти черезъ городъ, нашъ арьергардъ къ 12 часамъ дня занялъ Поклонную гору и растянулъ линію до Воробьевыхъ горъ. Генералъ Милорадовичъ имѣлъ въ виду, чтобы непріятель предположилъ, будто подъ его начальствомъ находится болѣе войскъ, нежели было на самомъ дѣлѣ. Онъ хотѣлъ принудить непріятеля дѣйствовать осмотрительно и медленно. Но въ это самое время онъ получилъ извѣстіе, что одинъ корпусъ непріятельскихъ войскъ подходитъ къ Тверской заставѣ (Понятовскаго), а другой (вице-короля) обходитъ Воробьевы горы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Милорадовичу донесли, что улицы Москвы еще наполнены войскомъ, толпами спасающихся жителей и обозами. Очевидно угрожала большая опасность: не только весь арьергардъ могъ быть отрѣзанъ непріателемъ отъ главной арміи, но и части этой арміи и обозы, не успѣвшіе еще выйти изъ Москвы на Рязанскую дорогу. Чтò оставалось дѣлать Милорадовичу, которому главнокомандующій въ трудное время ввѣрилъ начальство надъ арьергардомъ послѣ Платова, какъ извѣстному издавна и опытному вождю, въ той надеждѣ, что онъ своими дѣйствіями обезпечить спокойное отступление главной арміи? Блестательно исполняя возложенное на него порученіе съ 28 Августа, теперь, передъ самой Москвою, Милорадовичъ былъ поставленъ въ положеніе безвыходное. Но выборъ Кутузова былъ удаченъ: находчивость военачальника, не только храбраго, но и опытнаго, спасла ввѣренный ему арьергардъ и отчасти самую армію.

Рѣшившись безъ боя оставить Москву, послѣ военнаго совѣта въ Филяхъ, нашъ главнокомандующій поручилъ генералу Ермолову увѣдомить объ этомъ начальника арьергарда и предписать ему какъ можно долѣе удерживать непріятеля, чтобы дать возможность войскамъ спокойно пройти столицу. Милорадовичъ, пораженный извѣстіемъ о рѣшеніи оставить Москву безъ боя, особенно былъ возмущенъ выраженіемъ: „если будетъ нужно, то почтите *видомъ сраженія* древнія стѣны Москвы“. Прямодушный, откровенный герой, Милорадовичъ безъ сомнѣнія готовъ былъ пасть въ упорномъ бою, защищая Москву; но *видъ сраженія* представлялся ему насмѣшкою надъ нимъ и не почтеніемъ, а скорѣе оскорбленіемъ древнихъ стѣнъ столицы. Приписывая это выраженіе лично Ермолову, онъ упрекалъ его въ *макіавелизмъ* и до такой степени горячился, что на другой день захотѣлъ даже просить, чтобы уволили его отъ начальства арьергардомъ. Но личный гнѣвъ, отчасти справедливый, не могъ заглушить въ немъ чувство долга, и на другой день онъ имѣлъ отраду совершить великій подвигъ: избавить войска отъ страшныхъ потерь, выигравъ время, дать имъ возможность отступить за Москву и спасти значительное число Московскихъ жителей съ ихъ имуществомъ.

Вмѣстѣ съ отношеніемъ Ермолова Милорадовичъ получилъ письмо отъ фельдмаршала (подписанное Кайсаровымъ) къ начальнику штаба Наполеона, маршалу Бертье. Въ этомъ письмѣ, по принятымъ военнымъ обычаямъ, Кутузовъ поручалъ попеченію непріа-

теля оставшихся въ Москвѣ нашихъ раненыхъ. Милорадовичъ долженъ былъ отправить это письмо къ начальнику непріятельскаго авангарда Мюрату. Доведя арьергардъ до Поклонной горы и замѣтивъ опасность какъ для него, такъ и для всей арміи, Милорадовичъ немедленно послалъ офицеровъ съ конными отрядами въ городъ, чтобы способствовать водворенію порядка при отступленіи; и въ тоже время, обратившись къ стоявшему неподалеку лейбъ-гвардіи гусарскому полку, спросилъ: кто изъ офицеровъ можетъ хорошо говорить пофранцузски? Выѣхалъ штабсъ-ротмистръ Акинфовъ. Милорадовичъ, передавъ ему присланное отъ фельдмаршала письмо къ маршалу Бертье, приказалъ отвезти его въ непріятельскій авангардъ, лично вручить Мюрату и при этомъ сказать ему отъ его имени: „Если Французы желаютъ занять Москву цѣлою, то должны, не наступая сильно, дать намъ спокойно выйти изъ нея, съ артилеріею и обозомъ. Въ противномъ случаѣ генералъ Милорадовичъ передъ Москвою и въ Москвѣ будетъ драться до послѣдняго человѣка и вмѣсто Москвы оставитъ одни развалины“. Онъ поручилъ Акинфову, чтобы онъ старался какъ можно долѣе оставаться у Французовъ. Взявъ съ собою трубача изъ конвоя Милорадовича, Акинфовъ подъѣхалъ къ передовой Французской цѣпи, состоявшей изъ конныхъ егерей. По сигналу трубача, къ нему выѣхалъ командиръ полка и, узнавъ въ чемъ дѣло, поручилъ проводить его къ генералу Себастьяни, начальнику аванпостовъ, который сказалъ Акинфову, что онъ можетъ передать ему письмо и такимъ образомъ исполнить возложенное на него порученіе. Но услыхавъ отъ Акинфова, что Милорадовичъ поручилъ ему лично передать письмо Неаполитанскому королю и на словахъ сообщить ему свои предложенія, Себастьяни немедленно поручилъ проводить его къ Мюрату. Имя Милорадовича пользовалось большою извѣстностью во Французскихъ войскахъ, какъ одного изъ доблестныхъ сотрудниковъ Суворова въ Италіанской кампаніи, и генералъ Себастьяни зналъ его лично: онъ познакомился съ нимъ въ Бухарестѣ въ 1809 году, участвуя, въ качествѣ посредника со стороны Наполеона, въ нашихъ мирныхъ переговорахъ съ Оттоманскою Портою.

Проѣхавъ пять конныхъ полковъ, стоявшихъ развернутымъ фронтомъ передъ пѣхотными колоннами, Акинфовъ увидѣлъ Мюрата, разодѣтаго въ блиставшую золотомъ одежду и окруженнаго многочисленною свитою. Когда подъѣхалъ Акинфовъ, Мюратъ привѣтствовалъ его, „приподнявъ свою шитую золотомъ съ перьями шляпу“ и велѣлъ своей свитѣ удалиться. „Что вы мнѣ скажите, капитанъ?“ спросилъ онъ Акинфова, приблизясь къ нему и положивъ руку на шею его лошади. Акинфовъ вручилъ ему письмо и передалъ порученіе Милорадовича. Прочитавъ письмо, Мюратъ отвѣчалъ: „Касательно больныхъ и раненыхъ излишне поручать ихъ великодушію Французскихъ войскъ: Французы на плѣнныхъ непріятелей не смотрятъ какъ на враговъ. Что же касается до предложенія генерала Милорадовича, то безъ приказаній императора Наполеона нельзя на нихъ дать отвѣта“. Немедленно за тѣмъ Мюратъ отправилъ Акинфова съ своимъ адъютантомъ къ императору; но едва

они проѣхали нѣсколько сотъ шаговъ, какъ Мюратъ послалъ возвратить ихъ назадъ. Въ то время какъ Мюратъ принималъ Акинфова, пріѣхалъ ординарецъ Наполеона Гурго. Вѣроятно въ слѣдствіе разговора съ нимъ, Мюратъ рѣшился воротить назадъ нашего парламента. „Желая сохранить Москву, сказалъ онъ возвратившемуся Акинфову, я рѣшаюсь самъ согласиться на предложеніе генерала Милорадовича и пойду такъ тихо, какъ вамъ угодно, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы мы могли сегодня же занять Москву“. Когда Акинфовъ отвѣчалъ, что Милорадовичъ будетъ согласенъ на это условіе, то Мюратъ послалъ приказъ всѣмъ передовымъ цѣлямъ остановиться и прекратить перестрѣлку.

„Вы знаете Москву?“ спросилъ Мюратъ Акинфова. — „Я Московскій уроженецъ“, отвѣчалъ Акинфовъ. „Такъ передайте жителямъ, чтобы они были совершенно покойны, что имъ не только не сдѣлаютъ никакого вреда, но и не возмутъ съ нихъ контрибуціи и всѣми способами будутъ заботиться объ ихъ безопасности“. Зная однакоже, что со вступленія Французовъ въ предѣлы Смоленской губерніи жители селъ и городовъ удалялись изъ нихъ и даже жгли свои дома, Мюратъ прибавилъ: „Не оставлена ли Москва жителями и гдѣ графъ Ростопчинъ?“ — „Я постоянно находился въ аріергардѣ и участвовалъ въ дѣлахъ, поэтому ничего не знаю ни о Москвѣ, ни о графѣ“. На вопросъ, гдѣ находятся императоръ Александръ и великій князь Константинъ, Акинфовъ точно также отозвался незнаніемъ. Хотя очень довольный тѣмъ, что Мюратъ задерживаетъ его своими распросами и тѣмъ даетъ возможность исполнить данное ему порученіе, молодой офицеръ однако опасался, чтобы какъ нибудь не проговориться въ своихъ отвѣтахъ. Мюратъ сказалъ, что „онъ очень уважаетъ Русскаго императора, а съ великимъ княземъ даже друженъ и очень сожалѣетъ, что обстоятельства сложились такъ, что онъ долженъ воевать противъ нихъ. „Много-ли вашъ полкъ потерялъ людей?“ спросилъ онъ Акинфова. — „Можно ли не понести потерь, находясь почти ежедневно въ сраженіяхъ!“ отвѣчалъ тотъ. „Тяжелая война“, замѣтилъ Мюратъ. — „Мы деремся за Отечество и не примѣчаетъ тягости военной“, замѣтилъ Акинфовъ. Наводя своими распросами молодого Русскаго офицера на то, не скажетъ ли онъ чего нибудь, изъ чего можно бы заключить, что Русскія войска утомлены войною и желаютъ мира и, не достигнувъ своей цѣли, Мюратъ рѣзко сказалъ: „Отъ чего не заключаютъ мира?“ и при этомъ прибавилъ по своей привычкѣ (говоритъ Акинфовъ) солдатское выраженіе, неудобное конечно для печати. „Это должно быть извѣстіе вашему величеству, отвѣчалъ Акинфовъ. По моему мнѣнію, ни одна изъ армій не разбита и не одна не можетъ похвалиться совершенною побѣдою“. Мюратъ улыбнулся сказавъ: „Пора мириться“.

Отпуская нашего парламента, Мюратъ снова увѣрялъ его, что приложить всѣ средства къ сохраненію Москвы и увѣрялъ въ уваженіи, которое питаетъ къ Милорадовичу. „Скажите ему, говорилъ онъ, что я согласился на его предложеніе единственно изъ уваже-